

МАКСИМ
ГОРЬКИЙ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

М Горький

Максим Горький

Сон

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=623925

Аннотация

Впервые напечатано в газете «Нижегородский листок», 1896, номер 220, 11 августа, в разделе «Фельетон», под заглавием «Сны. 1. Катастрофа».

В начале 900-х годов М. Горький заново отредактировал текст рассказа для предполагавшегося его издания на немецком языке. Редактируя рассказ, автор изменил заглавие «Сны. 1. Катастрофа» на «Сон» и внёс в текст ряд поправок и изменений.

В собрания сочинений рассказ «Сон» не включался.

Печатается по хранящейся в Архиве А. М. Горького газетной вырезке первопечатного текста с исправлениями, сделанными автором в начале 900-х годов.

Максим Горький

Сон

...Пароход шёл вниз по течению. Перед ним стояла гора, а над ней собрались густые тучи. Тени ночи ложились на воду, она была спокойна и казалась впереди парохода широкой полосой тёмного бархата, а сзади его, разрезанная железным килем и разбитая плицами колёс, – волновалась, была покрыта пеной, и над ней плавал такой звук, точно она роптала на это железное чудовище, нарушившее её покой.

Глухие, ритмически правильные удары плиц и этот ропот недовольной реки порой позволяли уловить ещё один звук – он доносился откуда-то издали и был слаб и печален.

Должно быть, это волны бились о берега. Небо было покрыто обрывками облаков, и глаз не мог уловить, куда они плыли, – пароход шёл быстро. Между облаками на синих пятнах неба поблескивали звёзды – казалось, они только что проснулись. Впереди парохода было очень темно, и река как бы упиралась в гору и уходила под неё. Кое-где по берегам мигали огоньки, иногда доносился лай собак; печальный звук деревенского колокола вздыхал протяжно и уныло.

Угрюмо работала машина парохода, и корпус его вздрагивал в напряжённом стремлении вперёд. На воде, взволнованной и вспенённой, отражались огни. Светлыми пятнами, лишёнными форм, они скользили по пене волн, и, если долго

смотреть на них утомлённому глазу, они рисовались в форме стаи полурыб-полуптиц, молчаливых и любопытных, — плывших около борта парохода и готовых взлететь на него. Что-то мечтательное, смягчавшее ум и душу, смутное и ласковое, несла с собой приближавшаяся ночь. Всё, чего она касалась своими тёмными крыльями, становилось мягче; звуки, долетавшие с берегов, были так меланхоличны, а звёзды блестели всё светлей...

В шумном стремлении огромного здания из дерева и железа — в стремлении, таком обычном для глаза и ума днём, — было что-то фантастическое этой ночью. Впереди так темно, небо так печально, шум парохода мрачно глух, и голоса его пассажиров разнообразны. И всё это слито в одну гармонию, сильную и полную странных намеков на что-то. Там, далеко во тьме, чуть виден огонёк, и кажется, что это к нему именно стремится по реке судно, полное людей. А он что-то обещает...

Сидя на галерее парохода, я смотрел на него, охваченный мечтательным настроением, и, отдаваясь разным фантазиям, возникавшим в мозгу, полной грудью вдыхал влажный и тёплый воздух ночи. В такие моменты всегда хочешь счастья и ждёшь его с чувством тихой грусти о нём и со странным упорством, совершенно забывая, что оно не только никогда не идёт навстречу, но ещё требует усиленных и долгих и большей частью бесполезных поисков его. Едва ли кому известное, но всеми желаемое, оно неуловимо, как мечта.

...Я долго сидел, охваченный этим настроением, как вдруг она снова явилась на галерее.

Она – это девушка, которую я заметил ещё на берегу и несколько раз в течение дня встречал на пароходе. Не скажу, чтоб она была очень красива, – нет. Высокая, тонкая, гибкая, она ходила мимо меня беззвучно, как тень, лицо её было овально, строго, бледно, глаза, тёмные и большие, были задумчивы, и вот в них именно, в их рассеянном, неопределённом взгляде было что-то, что возбуждало во мне желание выдвинуться пред этой девушкой, обратить на себя её внимание и остановить на себе её взгляд. Почему-то думалось, что, если этот взгляд остановится – ласковый, внимательный и нежный – на моём лице, – в этом и будет моё счастье. Оно сразу, вместе с её взглядом, проникнет в моё сердце, оживит, освежит его, зажжёт многими желаниями, возбудит мой дух, изощрит ум. Даже и тогда, когда поиски счастья трагичны, – человек несколько смешон, гоняясь за ним, я же просто мечтал. Я насвистывал нежные мелодии и принимал красивые позы, но она не обращала на меня внимания.

Мне было обидно это, как и всякому мужчине было бы обидно. Но затронутое самолюбие не подавляло собой моих фантазий, и мысленно я уже очень близко подошёл к этой девушке. Я говорил с ней об одиночестве, и она, ещё не глядя на меня, уже слушала мои речи. Вокруг нас была элегия, и я старался гармонировать с ней. Я говорил о том, как это бывает мучительно, когда человек удаляется от жизни вслед-

ствие недоверия к ней, непонимания её или вследствие того, что он оскорблён ею. Она, равнодушная к его думам и чувствам, кипит вокруг него, а он, не умея слиться с ней, сидит в своей маленькой комнатке, и из всех углов этой комнаты на него смотрят тёмные глаза одиночества. Гибнут мысли, потому что их некому высказать, вянут чувства, ибо их не с кем разделить, и человек умирает ранее, чем его коснётся смерть...

Один ласковый взгляд, слово, сказанное сердцем, быть может, со многим помирили бы его.

Рука товарища-женщины указала бы ему место и жизни, ободрённый, облагороженный дружбой, согретый любовью, он мог бы жить и делать жизнь, а не медленно умирать и только думать о ней.

Потом я говорил этой девушке о ней самой. Что в том, что я её вижу впервые? Она мне кажется именно той, которая могла бы помочь мне жить. Я с первого взгляда почувствовал, что именно она может сделать это. Я уже люблю её, да, люблю! Разве на это много нужно времени?

Хорошо любят именно сразу. Пусть она позволит мне быть её рабом, если думает, что я не стою её любви и дружбы. В ней так много скрытой внутренней силы – это видно по её тёмным глазам.

Пусть же она, богатая, будет и щедрой, пусть она поделится со мной тем, чего у неё много, а у меня – нет...

Я погибну, я чувствую, что именно она, только она могла

бы оживить меня, и я погибну, если она не поможет мне.

– Послушайте... – начала она, не поднимая головы и не глядя на меня, – послушайте, ведь согласитесь, что всё, что вы говорите, по меньшей мере странно...

Какой у неё был мягкий, глубокий, за сердце хватающий голос! Я с наслаждением дождался, когда его последний звук погас, и мне стало жалко его и себя. Я всё горячее продолжал убеждать её. Я говорил ей, что она одним пожатием руки и взглядом может пробудить во мне силу и сделать способным на подвиги.

Да, я и теперь уже способен на них – её близость оживила меня. Разве это не доказательство моей любви? Пусть она испытает меня! Я готов на всё ради того, чтобы заслужить её ласковый взгляд. Чего она хотела бы?

– Я верю вам... – тихо шепнула она.

Я громко крикнул от восторга и бросился к её ногам.

И в тот же момент, как бы в виде стоустого эха моего восклицания, по всему пароходу пронёсся крик ужаса и смятения:

– Горим!

– Пожар!

Тысячи змей шипели в воздухе, гулко грохало какое-то железо, ревел свисток парохода, рыдали женщины, кричали мужские испуганные и грубые голоса, слышались всплески воды, точно в неё падали тяжёлые камни. На тёмном небе пылало зарево, и сзади парохода было неестественно светло

для этой ночи без луны, – там, на корме, где громко топали ноги по палубе, что-то шуршало, как будто тяжёлый кусок материи волочили по дереву. Детский звонкий голос пронзительно кричал:

– Мама-а! – и тонул в этом адском шуме. Гремели цепи. И всё шипели змеи – это огонь сладострастно пожирал судно. Я оцепенел. Мимо меня неслись и куда-то прыгали во мрак люди.

Их волосы развевались по ветру, рты были открыты, они хрипели, кричали, и страшно сверкали в дрожащей тьме белки их широко раскрытых глаз.

Клубы дыма то и дело опахивали меня, становилось жарко и тесно на носу парохода, где я стоял, прижавшись к стене кают.

Человек в белой куртке и в колпаке повара, размахивая перед собой тяжёлой кастрюлей, добежал до перил галереи, вскочил на них и, бросив вперёд себя кастрюлю, прыгнул в реку вслед за ней. Полураздетая женщина хотела сделать то же, взглянула через перила в тёмную воду и с криком отчаяния, закрыв лицо руками, опрокинулась назад. Кто-то вскочил ей на грудь, чья-то нога наступила на её белую руку и скрыла её под собой.

А пароход всё мчался вперёд, и всё яростнее шипел и трещал огонь на его корме. Река сзади его стала багровой, пена её волн казалась кровью, и чёрные точки плавали в ней, неистово взывая о помощи. Снопы искр летали в воздухе и

падали на эти фигуры.

Высокая женщина, с распущенными по плечам чёрными волосами, взмахнула над своей головой чем-то маленьким, белым и плачущим, и это, мелькнув в воздухе, исчезло с пронзительным криком за бортом. Человек в соломенной шляпе, которая тлелась на его голове, испуская от себя струйки дыма, сел у моих ног и стал раздеваться. Кто-то большой, хрипло кричащий, наскочил на него и с проклятием покрыл его своим телом, кто-то ещё вспрыгнул на них, на перила и исчез...

– Руби топором! – грозно ревели внизу...

Слышались удары, вода всё всплескивала, и огонь шипел, монотонно, однообразно, не торопясь, уверенный, что всё, что хочет он пожрать, – он пожрёт.

Происходило что-то неуловимое глазом, но грандиозно трагическое. Люди являлись, исчезали, сбивали друг друга с ног, дрались, вырывая один у другого из рук какие-то доски, стулья, тащили тяжёлую скамью и бросали её за борт, откуда раздавался дикий крик о помощи, которой все просили и никто не давал.

Толстая, полуобнажённая старуха в белых лохмотьях, развевавшихся по ветру, медленно шла ко мне, держась рукой за стену, и заунывно пела. Подбородок её трясся, открывая беззубую нижнюю десну, и в глазах не было ничего, кроме ужаса. Кто-то ударил её сзади, и она упала и тотчас же на неё упали другие, образовалась куча барахтавшихся людей.

Они выли, как звери, били друг друга, на них падали ещё и ещё люди. Вот эта гора живого мяса подкатилась к перилам галереи... Треск – и все упали вниз, воя и рыча.

Становилось нестерпимо жарко, вода шипела, соприкасаясь с огнём, в воздухе летали горящие головни, и их отражения в воде мелькали, как золотые рыбы. – Господи, спаси! – отчаянно воззвал кто-то. Два мальчика, взяв друг друга за руки, мелькнули мимо меня, как птицы. Люди всё метались, полные животного ужаса, действуя без признака ума, толкая друг друга, ударяя, ругая, бросаясь с воплем в воду. Где-то лопались стекла с надрывающим душу тоскливо-громким звуком. Пароход всё летел вперёд, и казалось, что теперь он идёт ещё быстрее, подгоняемый огнём на его корме. Огонь опрокидывался назад и развевался в воздухе, как громадное знамя цвета крови, и вода под ним была тоже пурпурная.

– Руби! Спускай! – ревели внизу. И вдруг предо мной впереди встало что-то высокое, чёрное, страшное, уходившее вершиной в небо. Оно быстро приближалось ко мне, и я понял, что буду раздавлен, когда оно столкнется с пароходом. Но я не мог сделать ни одного движения, хотя мне было жарко и уже над головой моей где-то шипел и свистал огонь. У моих ног возилась и стонала раздавленная, сумасшедшая старуха. Всё ближе, ближе надвигалось то, что было впереди... это горный берег реки, почти отвесный...

Удар, и страшный треск и толчок. Я был сорван с места и, пролетев, как камень, сквозь пелену пламени, упал в воду...

Во мне как бы разорвалось что-то с глухим шумом... Вода свистела мимо моих ушей, выбрасывая меня на свою поверхность.

Я вижу пароход, весь объятый пламенем, вонзившийся в берег, исковерканный... Час тому назад он был бел и красив, как лебедь! Вокруг меня борются с водой, поглощающей их, люди.

Но они уже не кричат. Они тяжело дышат, хрипят странно, ухают и исчезают в воде. Иные держатся за какие-то доски, скамьи...

О, если бы и мне доску! Я жадно смотрю вокруг, и мне так трудно удержаться на воде под градом огненных искр, осыпающих меня. И вдруг она сама толкнула меня в грудь. С радостным рычанием, счастливый и жадный, я крепко обнял руками кусок дерева и прижал его к себе со страстью, с негой, так, как бы это была моя возлюбленная. Я смеялся даже... Но доска стала погружаться в воду.

– Мы утонем оба... – вдруг услышал я дрожащий, тихий голос.

Кто это говорит? Кто это? На другом конце доски, в расстоянии не более четырёх аршин от своего лица, я увидел лицо... её лицо! Лицо той девушки, которая была со мной там, на пароходе, которой я говорил о любви... Ей, этой девушке, я обещал совершить подвиги...

Неужели она сейчас будет требовать от меня их? О!

Я опустил глаза, чувствуя, что она пристально смотрит в

моё лицо... Доска всё погружалась в воду.

– Возьмите себе другую... – услышал я.

Но когда я посмотрел вокруг, то не увидел ничего, за что можно бы было ухватиться.

– Мы не удержимся вместе... – говорила девушка. Разве я не понимал этого?

– Кто-нибудь должен рискнуть собой...

Да, один из нас должен выпустить доску из рук, это так. Но ведь права всех людей на жизнь одинаковы...

Я захлебывался уже. Мне очень хотелось с силой дёрнуть доску к себе. Тогда она выпустила бы её из рук. Но, может быть, где-нибудь близко плавает другая доска?

Вокруг нас была гладкая поверхность воды, и кое-где на ней порой виднелись какие-то чёрные пузыри. Это были головы утонувших. Я тоже утопаю...

Пароход горел так, как бы это цвёл колеблемый ветром громадный куст красных и жёлтых цветов.

Вода шумела у меня в ушах, и голова моя кружилась. Я медленно погружался в воду...

– Ну, так тогда я... – едва коснулся моего слуха тихий шёпот.

И вслед за тем я почувствовал... что доска поднимается кверху... Пора было! Пора, ибо ещё момент, и я вырвал бы её из рук этой девушки. Вырвал бы...

Её голова ещё раз мелькнула на поверхности воды. Потом показалась рука.

Потом всё исчезло. Остался я и много спокойной, тёмной, тяжёлой воды вокруг меня. Она тянула меня книзу, коварно лаская мне плечи и щёки.

Но я уже не боялся её – доска могла свободно удерживать меня. Я спокойно плавал с ней, ожидая помощи. Она должна была скоро придти – ведь видят же с берега этот догорающий пароход, слышат, как шипит вода вокруг него и как свистят языки пламени. Вода всё толкала меня книзу. Она тихонько так упиралась в моё левое плечо и сотрясала его...

– Вы уроните за борт шляпу... проснитесь!

Я вздрогнул... вскочил... И изумился – утопленница, мягко улыбаясь, стояла на галерее сгоревшего парохода и смотрела мне в лицо мягким, ласковым взглядом тёмных глаз...

– Вы уронили бы вашу шляпу в воду, – повторила она.

– Сударыня, простите... – умоляюще начал я, – то есть благодарю вас, сударыня!

– Не за что... – ласково сказала она и, кивнув мне головой, бесшумно ушла...

Я с волнением посмотрел ей вслед. Как я был рад, что не утопил её!

Светало. На небе загорался румянец утра, а река блестела, как сталь, вся такая холодная и важная. Зелёный горный берег был так приветно ласков, вдали туман носился...

На небе гасли звёзды. В душе горела радость. Так я не утопил эту девушку?!